

61 642
студентський збірник

СТУДІЯ.

ПОЗІЯ.

ПРОЗА.

КРИТИКА.

Отъ составителей.

Къ вамъ, не застывшимъ въ мертвящей узости готовыхъ формулъ и въ мѣщанскомъ самодовольствѣ уже превзойденными достиженіями, обращаемся мы, объединившіеся вокругъ „Студіи“.

Мы призываемъ васъ къ бодрой работѣ созидающаго духа, къ полному и всестороннему проявленію своей индивидуальности...

Мы пойдемъ къ вамъ навстрѣчу.

Мы внѣпартійны и терпимы.

Острые углы вашихъ мыслей и причудливые изгибы настроеній не будутъ сглажены и опошлены карандашомъ редактора.

Несите къ намъ ваши творческіе сны и яркія мысли.

Страницы „Студіи“ открыты для нихъ.

„Студія“.

3. ШКУНДИНЪ.

1. Т Р И О Л Е Т Ы.

Весна любви! любовь весны!
Любовь къ тебѣ, Елизавета!
Блаженно снятся сердцу сны;
Весна любви, любовь весны,
И чары ночи и луны,
И море солнечнаго свѣта!
Весна любви, любовь весны—
Любовь къ тебѣ, Елизавета.

Твоей любви я не забуду:
Она слита съ моей весной...
Я вѣрю радостному чуду;—
Твоей любви я не забуду..
И пусть душа привыкла къ блуду—
Пьяна любовью покупной...
Твоей любви—я не забуду:
Она слита съ моей весной.

Твоя любовь неповторима,
Я не могу ее вернуть...
А жизнь, спѣша, проходитъ мимо...
Твоя любовь неповторима,
Какъ дѣтства сны, какъ слава Рима,
Какъ легкой тучки вольный путь...
Твоя любовь неповторима.
Я не могу ее вернуть.

2. * * *

Ловлю въ сомнѣнны и печали
Зарницы трепетныхъ надеждъ...
Стираю пыль съ твоихъ сандалій,
Цѣлую край твоихъ одеждъ...

Но я поднять не смѣю взора
На свѣтозарное лицо:
Сознанье вѣчнаго позора
Замкнуло вѣрное кольцо...

И весь дрожа отъ острой страсти,
Я опьяняюсь ложью сновъ,
Не находя чудесной власти
Сорвать таинственный покровъ...

Но я приѣмлю горькій жребій:
Съ твоихъ сандалій пыль стирать,
Ловить зарницы въ темномъ небѣ,
Края одежды цѣловать..

3. Въ туманѣ.

Тоненькая дѣвушка идетъ со мною рядомъ—
Спѣшить, должно быть, къ матери съ какою-то
покупкою...

Она меня окинула пугающимъ взглядомъ,
Она такая робкая, она такая хрупкая...

„Нѣжная красавица, вѣточка зеленая!
„Разрѣши, далекая, подойти къ тебѣ.“
Обернулась дѣвушка, смотритъ

удивленная,
Прошептала дѣвушка: „не спѣши къ
рабѣ...“

Задрожали въ голосѣ слезы серебристыя
И гримаса жалости искривила ротъ...
Это мнѣ почудилось...- „До свиданья, чистая,
Поспѣши, хорошая: мама тебя ждетъ“...

4. Л Ю Б О В И.

„Это сквозь жизнь я тащу миллионы огромных и чистых любовей“.

В. Маяковский.

Скрыты отъ вражьихъ дозоровъ
Счастья дрожащія рѣки ..
Только для близкихъ собратьевъ
Свѣтитъ на небѣ звѣзда...
Вспомнились тысячи взоровъ,
Казалось, забытыхъ навѣки,
Тысячи робкихъ объятій,
Тысячи радостныхъ „да“.

Вспомнились яркія встрѣчи
На улицахъ, въ залахъ, въ трамваѣ...
Женщина, шедшая рядомъ
Зарей догорающихъ дней!
Пусть всѣ остальные—предтечи,
Но ты! ты навѣкъ огневая;
Сожги же ласкающимъ взглядомъ
Милльонъ потускнѣвшихъ тѣней!..

Но, каждая встрѣча — священна,
Но каждая встрѣча — любовь.
Какъ солнце вселенной—громадна,
Какъ снѣгъ за горами—чиста.
Ты развѣ не видишь? Я плѣнный,
И вновь я плѣняюсь, и вновь...
И развѣ тебѣ не отрадно,
Что сущая—вѣчно не та...

5. Ушли туманы...

Ушли туманы и небо нѣжное...
Загадкамъ міра нѣтъ числа...
И ночь, холодная и снѣжная,
Мои сомнѣнья унесла...

Вчера свершилось неизбѣжное...
Кто знаетъ правду добра и зла?
Вчера душа моя, душа мятежная,
И ложь и правду приняла...

6. Подражаніе А. Бѣлому.

Отъ экстазовъ закатныхъ
Душа не старѣеть...
Розовѣтъ и вѣтъ
Радость дней невозвратныхъ ..

Завтра снова лазурный
И безбурный, какъ сонъ,
Надъ вечернею урной
Запоетъ небосклонъ...

Солнце вольно садится,
Солнцу нуженъ покой..
Завтра вновь просвѣтится
Океанъ золотой...

Отъ экстазовъ закатныхъ
Душа не пьяна..
Радость дней невозвратныхъ,—
Догораетъ весна...

День жизни.

I.

Очень не хотѣлось вставать. Утро было промозглое, сѣрое, дождь шелъ пополамъ со снѣгомъ и троттуары стали грязными и скользкими. Къ тому же уже нѣсколько дней мнѣ нездоровилось; я опять не выспался; болѣло и ныло все тѣло.

Ежась, потягиваясь, ежеминутно зѣвая, я кое-какъ одѣлся, заказаль самоваръ. Развернулъ газету. Все то же. Обычное сообщеніе отъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, ничего не говоряща и примелькавшіяся названія невѣдомыхъ французскихъ деревень.

Итальянцы взяли 83 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 7 офицеровъ.

Медленно прожевывая бутербродъ съ сыромъ, я думалъ о томъ, что надо торопиться въ университетъ, гдѣ часа три придется заниматься въ анатомическомъ театрѣ, что затѣмъ предстоитъ обѣдъ, затѣмъ зайду къ Александру и вечеромъ, вѣроятно, увижусь съ Лидой.

Меня какъ-то особенно тревожили наши послѣднія встрѣчи. Засыпая, во снѣ, я остро, до боли, до отчаянія хотѣлъ увидѣться съ ней, а утромъ вечернее казалось далеко уплывшимъ облакомъ, мимолетнымъ и чуждымъ. Но тонкія, нѣжныя, прекрасныя руки и каріе глаза, смотрѣвшіе глубоко и затуманенно, преслѣдовали меня цѣлый день.

II.

Въ анатомическій театръ я пришелъ, когда длинный хвостъ ожидающихъ у вѣшалокъ вытянулся по корридору. Воздухъ, предметы и даже люди были здѣсь пропитаны дурманящимъ запахомъ мертваго тѣла, формалина и высохшихъ костей, одновременно волнующимъ и подавляющимъ.

Наконецъ, очередь дошла до меня. Я раздѣлся и прошелъ въ остеологическій музей, по дорогѣ поздоровавшись съ товарищемъ.

— Подали задачи по химіи?

— А вы остеологию выдержали?

— Понимаете, опять срѣзался на *os temporale*. Онъ спросилъ...

Я сѣлъ около витрины и погрузился въ зубрежку. Учить приходилось съ напряженіемъ. Незнакомыя длинныя латинскія названія запоминались плохо. Насилу прочелъ двѣ страницы.

Всталъ, закурилъ папироску, прошелся. Остановился на минуту возлѣ группы изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Одинъ, оживленно жестикулируя, рассказывалъ. Слова казались пустыми, безъ содержанія и смысла.

Въ невысокой, почти квадратной комнатѣ съ толстыми каменными стѣнами, тѣсно установленной витринами со скелетами, съ искромсанными, изрѣзанными частями человѣческаго тѣла, ходило, сидѣло, внимательно уткнув-

шись въ книгу, около сотни студентовъ. Небольшія окна пропускали мало свѣта и въ сѣромъ затхломъ сумракѣ стоялъ немолчный гулъ, какъ въ ульѣ.

Я почувствовалъ, что сегодня не могу заниматься.

Мнѣ было еще необходимо переимѣнить взятыя на домъ кости.

У стойки толкалось человѣкъ пять товарищей. Рядомъ со мной незнакомый студентъ съ щегольскимъ англійскимъ пробормомъ и довольнымъ лицомъ сдавалъ препаратъ руки съ частью реберъ и неснятыми мускулами. Онъ держалъ его прямо за почернѣвшее мясо. Повѣсивъ въ шкафъ, плюнулъ на ладони, вытеръ ихъ обрывкомъ газеты и, какъ-будто извиняясь, сказалъ:

— Да, знаете, ветчинка то того!..

Какая-то сладкая и мутная волна подступила къ горлу. Отдавъ кости, я сбѣжалъ внизъ, быстро одѣлся и вышелъ.

Снѣгъ и дождь пересталъ. Глухо шлепала подъ ногами мокрая грязь.

III.

Поднимаюсь по лѣстницѣ къ Александру. Шуба давитъ плечо, особенно одна пуговица на воротникѣ.

Александръ сидитъ спиной къ двери, у стола, и что-то пишетъ.

Запахавшись, безсвязно жалуясь ему на усталость.

Онъ улыбається.

Это мой лучший другъ. Мы носимся съ нимъ мыслью издать наши стихотворенія, на что надо сто рублей, которыхъ у насъ нѣтъ. Мы оба, втайнѣ пописывающіе, жаждемъ популярности и славы. Мы хотимъ сказать новое слово. Въ 20 лѣтъ вѣдь многіе хотятъ говорить новыя слова и прославиться.

Какъ всегда, разговоръ о будущей нашей книгѣ.

— Знаешь, намъ стоитъ наладить продажу въ провинціи. У насъ, въ Пензѣ, пойдетъ экземпляровъ 50, а, можетъ, и больше.

— Видѣлъ Семена?

— Онъ общалъ быть у меня въ пять.

— Обѣдалъ?

— Да, въ вегетеріанкѣ.

— А насчетъ книги я думаю вотъ что: Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ, обсудимъ и рѣшимъ. Мнѣ бумага vergé и темно-зеленая обложка нравятся. Но деньги?

Разговоръ мнѣ рѣшительно надоѣлъ. Каждый разъ говоримъ одно и то же, а дѣло не двигается.

— Ну, я пошелъ!

— Куда ты, посиди еще!

Въ комнатѣ Александра холодно, онъ простуженъ и раздражителенъ.

— Да посиди, чортъ!

— Нѣтъ, я пойду.

— Ну и проваливай тогда.—Онъ сердито поворачивается спиной и садится къ столу.

Я медленно одѣваюсь. Онъ кашляетъ и говоритъ:

— Приходите съ Лидой ко мнѣ вечеромъ. Если замерзатъ, то замерзатъ вмѣстѣ.

— Не знаю, можетъ-быть,—неопредѣленно цѣжу я сквозь зубы и, ткнувъ рукой въ его руку, ухожу. Въ передней долго вожусь съ калошами. Никакъ не найду своихъ, а потомъ никакъ не одѣну.

Отъ калошъ на паркетѣ остаются мокрые слѣды.

IV.

— Дома Лида?

— Дома, пожалуйста,

Лида сидитъ на кушеткѣ, поджавъ подъ себя ноги въ красныхъ сафьяновыхъ туфляхъ. Она съ нѣкоторыхъ поръ усиленно занимается итальянскимъ языкомъ и теперь передъ ней самоучитель и тетрадка съ непонятными, звучными словами. Я пожимаю ея холодныя пальчики и, не присаживаясь, подхожу къ окну, взглядываю на грязный дворъ, застроенный и темный, барабаню пальцами по стеклу. Потомъ прикладываюсь лбомъ къ прозрачной, холодноватой и сыроватой поверхности.

— Иди сюда, мнѣ скучно.

Я сажусь около Лиды. Она бросает тетрадь и, закрывъ лицо, вытягивается на кушеткѣ.

— Какъ болятъ глаза!—говоритъ она.

Я внимательно и упорно, не отрываясь, смотрю на нее. Она чувствуетъ мой взглядъ, но не двигается и только проситъ.

— Не смотри такъ.

Я молчу.

— Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь.

— Я тебѣ вчера два раза телефонировалъ; мнѣ сказали, что ты въ театрѣ.

Она не отвѣчаетъ.

Беру газету и читаю.

— Опять уткнулся! Вырываетъ газету, нервно комкаетъ, бросаетъ на полъ. Загнѣвъ встаетъ и уходитъ.

Поднимаю газету, тщательно расправляю, читаю. Прочитываю статью о положеніи дѣлъ на фронтѣ, заграничную хронику, статью о повышеніи трамвайнаго тарифа на копейку. Вспоминаю, что въ другой комнатѣ лежитъ интересная книга, которую давно хочу просмотрѣть.

Въ комнатѣ темно. Больно ударяюсь о стулъ. Онъ падаетъ со стукомъ. Зажигаю лампу, ставлю стулъ на мѣсто.

Лиды, уткнувшись головой въ подушку, лежатъ на кушеткѣ. Ея поза выражаетъ безнадежное отчаяніе.

— Не мѣшаетъ тебѣ лампа?

— Нѣтъ.

За стѣной кто-то звонко и безтолково, ежеминутно переспрашивая и повторяя, говоритъ по телефону. Разговоръ, кажется, никогда не кончится. Слова упрямо бьются въ усталомъ мозгу.

— Что съ тобой, Лиды?

— Ничего.

— Болитъ у тебя что нибудь?

— Нѣтъ.

— Ну, скажи же, что съ тобой?

— Ничего.

— Лиды, дѣтка,—мой голосъ срывается и дрожитъ,—вѣдь, ты знаешь, что я люблю тебя.

Она будто не слышитъ. Потомъ порывисто оборачивается ко мнѣ.

— Если бы ты зналъ, какъ мнѣ мучительно, если бы ты только зналъ!..

Мое сердце готово разорваться отъ боли. Я неловко и неумѣло цѣлую маленькую безжизненную руку. Хрущу пальцами. Сжимаю голову. Молчаніе.

Лиды говоритъ протяжно:

— Милый, золото мое, приходи завтра, а сейчасъ уйди, прости меня, я сама не знаю, что говорю, но уйди, приходи завтра, непременно приходи и не сердись, придешь? Вѣдь придешь?..

V.

На улицѣ было морозно и вѣтрено. Ноги скользили въ мерзлой грязи, а вѣтеръ

забирался за шею и обдавалъ все тѣло ледяной струей. Я дрожалъ мелкой напряженной дрожью, но не столько отъ озноба. Старался надѣть перчатку, не замѣчая, что она не съ той руки. Отчетливо врѣзалась въ память слабо-застегивающаяся кнопка съ надписью Derby.

На перекресткѣ столкнулся съ господиномъ въ котелкѣ, съ поднятымъ воротникомъ и руками, глубоко засунутыми въ карманы пальто. Вѣжливо извинился.

На углу Тверской хрипло позвала проститутка. Ея носъ и щеки покраснѣли отъ холода.

Часы показывали сорокъ минутъ двѣнадцатаго.

Дома долго пришлось стучать и звонить, пока не отперли дверь. Послѣ улицы въ комнатѣ показалось тепло и душно. Я повернулъ кнопку выключателя и, не раздѣваясь, сѣлъ къ столу. Потомъ омерзшими пальцами съ трудомъ разстегнулъ шубу, снялъ и аккурратно повѣсилъ ее.

Взявъ книгу, отрѣзалъ кусокъ булки, но ни ѣсть, ни читать не могъ. Голова была странная, будто чужая. Прилегъ на кровать. Свѣтъ неприятно рѣзалъ глаза. Я потушилъ лампу. Повернулся лицомъ къ стѣнѣ, закутался съ головой въ одѣяло.

И вдругъ глухо заплакалъ.

А. Неволинъ.

Спираль.

1.

Студентъ Владимиръ Зуевъ думалъ о новой кометѣ. Покорная таинственнымъ законамъ, она пришла къ намъ изъ неизмѣримости пространства и времени и яркой звѣздочкой зажглась на земномъ небосводѣ и съ каждымъ днемъ свѣтитъ все ярче и ярче...

О ней, раньше невѣдомой, кричатъ газеты, о ней разговариваютъ его знакомые, ей посвящаютъ свои стихи поэты.

2.

Вотъ точно такъ женщина, еще недавно безразличная и далекая, словно повинувшись какому-то закону, начала приближаться къ нему.

Она движется изъ безконечности по гигантской спирали, все суживая и суживая свои обороты.

Она уже видна, она уже ярко свѣтитъ на его ночномъ небѣ, и онъ силится въ туманной дали разглядѣть воспаленнымъ взоромъ ея влекущую наготу ..

Ночью, когда онъ спитъ, она смыкаетъ свой пламенный кругъ и прижимается къ нему и томитъ его неизвѣданнымъ желаньемъ...

А къ утру уходитъ вдаль и чуть-чуть мерцаетъ струящимся свѣтомъ, далекая, неясная...

Владимиръ былъ когда-то влюбленъ въ гимназистку Вѣру. Онъ приглашалъ ее на гимназическіе балы, провожалъ домой, носилъ ея книги...

И Владимиръ придавалъ своей Ночной Женщинѣ лицо Вѣры.. Онъ заставилъ Вѣру встрѣтаться съ нимъ и возобновить ихъ прежнія отношенія...

Она пришла къ нему и отдастся...

Владимиръ по книгамъ знаетъ, какъ отдаются любящія дѣвушки. И въ сладострастной игрѣ онъ подробно и длительно рисуетъ себѣ, какъ они будутъ говорить, какъ будутъ медленно пьянѣть виномъ страсти, какъ тихо поплыветъ комната передъ глазами, какъ онъ грубо сорветъ съ нея одежды, какъ они сольются въ солнечномъ экстазѣ...

И онъ замиралъ въ невыразимомъ томленіи и минутномъ забытіи...

Отдавшись, Вѣра плачетъ. Тихо вздрагиваютъ ея плечи. И онъ цѣлуетъ и утѣшаетъ ее.

4.

Въ городъ пришла весна. Таинственны и прекрасны стали вечера, и любовь ихъ—любовь Владимира и Вѣры—цвѣтетъ все благоуханнѣе и ярче...

Все чаще приходитъ Вѣра и отдается... Она уже не плачетъ больше...

Владимиръ даже нѣсколько пресыщенъ ея любовью...

Ночная Женщина стала надѣвать другія личины, скрывая за ними свой ликъ—темный и пугающій...

5.

Въ нѣкой сказкѣ рассказывается, какъ неопытный волшебникъ вызвалъ духовъ и не могъ съ ними справиться...

Такъ и Владимиръ, раньше творецъ своей игры, сталъ ея рабомъ.. Не спросивъ его державной воли, приходила Вѣра, и онъ уже не могъ не ласкать ее. Владимиръ сталъ плѣнникомъ каждой новой встрѣчи.. Его мысль и фантазія работали въ привычномъ направленіи.. Узкое кольцо замкнула его Ночная Женщина и онъ сталъ въ немъ задыхаться...

Слушалъ ли онъ лекціи—на черной доскѣ, испещренной непонятными знаками, сверкало бѣлизной женское тѣло. На страницахъ книги—женское тѣло. Въ комнатѣ—женское тѣло. На шумныхъ улицахъ—женщины, ждущія объятій и поцѣлуетъ, цѣляя рѣки женскихъ тѣлъ, сладострастныхъ, пьянящихъ, дурманящихъ...

6.

Владимиръ похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Глаза у него стали безвольные и мутные...

7.

Владимиръ сталъ искать живыхъ женщинъ, чтобы отдѣлаться отъ женщинъ своей фантазіи...

Похоть и грусть, неразрывно сплетенныя и смѣняющія другъ друга, томили его по вечерамъ въ печальной комнатѣ... Онъ уходилъ на городскія улицы. Зажигались огни витринъ. Въ шарахъ фонарей шумѣлъ и рвался наружу яркій бѣлый огонь. Съ рѣки дулъ весенній вѣтеръ. Рокоталъ многошумный городъ. Напряженно пульсировала его многоликая жизнь. Куда-то спѣшили извозчики, хрипѣли автомобили, звенѣли трамваи, на троттуарахъ шумѣлъ людской потокъ. И здѣсь Владимиръ еще острѣе, до боли, чувствовалъ свою покинутость и безволіе.

8.

Позже, когда улицы нѣсколько пустѣли, онъ съ интересомъ слѣдилъ, какъ торговымъ договоромъ продавались проститутки... Но его онѣ только отталкивали, крикливо одѣтыя, накрашенные, съ подведенными глазами и грубой рѣчью. Его пугала страшная возможность заразиться одной изъ тѣхъ гадкихъ болѣзней, которыхъ люди стыдятся. И онъ возвращался въ свою комнату и его мучили грусть и похоть, неразрывно сплетенныя.

Владимиръ уѣхалъ, не сдавъ экзаменовъ. Родителей у него не было: онъ жилъ у тети.

Новыя впечатлѣнія развлекли его, свѣжій воздухъ подкрѣпилъ, и онъ пріѣхалъ къ тетѣ веселый, оживленный. Казалось проклятая спираль осталась позади. Въ деревнѣ, у тети, ничего не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ. Только вмѣсто прежней горничной служила новая—Θеня. Молодая, красивая.

— Какая интересная горничная,—сказалъ онъ за обѣдомъ, когда Θеня вышла. Тетя внимательно посмотрѣла на него.

— Рекомендую твоему вниманію.

Владимиръ слегка покраснѣлъ.

— Merci.

10.

Между нимъ и Θеней завязывался „романъ“. Онъ смотрѣлъ на нее долго и внимательно, и она, не краснѣя, встрѣчала его взоръ. Нѣсколько разъ онъ обнималъ и цѣловалъ ее у себя въ комнатѣ, когда она стелила постель. И послѣ вспоминалъ, какъ она блѣднѣла и какъ трепетало ея тѣло... По ночамъ опять стала приходиться къ нему Ночная Женщина. Она снова сузила спираль, и Владимиръ началъ задыхаться и терять голову.

Однажды вечеромъ онъ зашелъ въ кухню. Θеня была одна. Онъ обнялъ ее. Сразу пере-

создалъ въ горль и онъ дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Я приду къ тебѣ сегодня...

— Хорошо,—отвѣтила она, не глядя на него и склонивъ голову.

11.

Владимиръ ушелъ спать раньше тети. Раздѣлся и, весь дрожа мелкой, острой, тонкой дрожью, легъ въ постель. Одѣяло его не согрѣло. Онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ.

Томительно ждалъ, пока замолкнуть шорохи въ тетиной спальнѣ, пока погаснетъ огонь въ столовой. И тогда, продолжая дрожать, съ безумно бьющимся сердцемъ пошелъ къ Оенѣ. Передъ закрытой дверью изъ столовой въ кухню на секунду остановился...

12.

Оеня съ легкимъ смѣшкомъ протянула къ нему руки. Онъ неловко легъ рядомъ съ ней. Она обвила рукой его шею и прикрыла его одѣяломъ.

— Ишь, весь дрожить...

...Въ лунныхъ лучахъ, заполнявшихъ кухню, онъ увидѣлъ на ея бѣлой шеѣ завитки русыхъ волосъ. Разсмотрѣлъ, что на подушкѣ не чистая наволочка, что одѣяло, которымъ онъ прикрытъ, сшито изъ пестрыхъ лоскутковъ. Ему было неприятно. Онъ не зналъ, о чемъ говорить съ ней.

И когда она сказала:—ну, теперь идите, паничъ,—онъ безмолвно и поспѣшно, словно обрадовавшись, спустилъ ноги на полъ и ушелъ.

13.

Вскорѣ тетя уѣхала на недѣлю въ городъ. И Оеня каждую ночь приходила къ нему и спала съ нимъ, какъ жена.

Владимиръ вставалъ поздно. Онъ не могъ ѣсть, не могъ читать, не могъ думать. Онъ томительно ждалъ ночи.

Иногда, днемъ, онъ отсылалъ кухарку, спускалъ шторы въ своей комнатѣ и звалъ Оеню.

Ночная Женщина назойливо маячила на его горизонтѣ и гнала его къ Оенѣ.

А воспоминаніе о Оенѣ, объ ея тѣлѣ и ласкахъ, о мелкихъ подробностяхъ ихъ близости вызывало Ночную Женщину.

Пламенная спираль навсегда превратилась въ безысходный кругъ.

И безнадежно поднимаясь, и безвольно падая, томился Владимиръ...

Выхода не было.

Борисъ Галинъ.

Гроза на морѣ.

Брызги, море, пѣной смѣха,
Взвейтесь волны до небесъ!
Весела твоя потѣха
Будетъ нынче, мокрый бѣсы!..

Свистни, буря; молній стрѣлы
Впейтесь въ бѣса бахромой,
Будьте ярки, дерзко-смѣлы
Въ пляскѣ дикой, огневой!..

Хохоть въ небѣ, хохоть въ морѣ,
Неумолченъ оргій громъ:
Бѣсъ играетъ на просторѣ
Звучнымъ огненнымъ шаромъ.

Вверхъ подбросить—небо въ смѣхѣ,
Внизъ летитъ-смѣется низъ,
И въ восторгѣ отъ потѣхи
Все реветъ, грохочетъ: бисъ!..

Василій Борисовскій.

Звѣздная пыль.

Учителю мудрости Н. С. Макаеву.

Быть можетъ, черезъ нѣсколько дней, быть можетъ, черезъ нѣсколько десятилѣтій завершится кругъ моей земной жизни, и я сольюсь съ безначальнымъ и безконечнымъ всеблагимъ первоисточникомъ жизни...

Безъ чувствъ и безъ думъ растворюсь я въ его творческой безкрайности, и тогда окончится мое земное бываніе, печальное и неразумное, и начнется вселенское, надмірное инобытіе, мудрое и гармоничное.

Я не буду нигдѣ и буду вездѣ, ибо всѣ

явленія черпаютъ начало въ безконечномъ океанѣ неограниченныхъ возможностей и, совершивъ свой созидательно-разрушительный путь, вновь возвращаются въ его всепріемлющее лоно.

А я, растворенный въ первоисточникѣ и подвластный закону мірового ритма, я буду возноситься на гребняхъ волнъ этого великаго океана и постоянно переходить изъ возможности къ бытію и изъ бытія къ возможности.

Я буду во всѣхъ вещахъ и во всѣхъ явленіяхъ, не сліянно съ ними и не отдѣльно отъ нихъ. Я буду въ вихревыхъ кольцахъ эфира, въ первичной праэнергіи запланетныхъ странствъ.

Вмѣстѣ съ яркой голубой звѣздой зажгусь я на прекрасномъ земномъ небосводѣ и вмѣстѣ съ нею, свершая ея путь и дѣля участь, буду остывать, даря энергію инымъ мірамъ, и погасну...

А когда зародится на остывшей звѣздѣ жизнь—я постигну неизрѣченное таинство ея зарожденія, я буду во всѣхъ жизняхъ...

Но пройдутъ миллионолѣтья, и начнетъ умирать прекрасная звѣзда, и я переживу тогда тяжелую трагедію угасающей жизни забытой о своемъ первоисточникѣ, къ которому ее мудро возвращаетъ неизмѣнный и непреложный законъ мірового ритма, біеніемъ вѣчной цѣлесообразности пульсирующей во Вселенной...

Все умереть, всё умеруть, и лишь я, живущий и не живущий, имѣющей тенденцію къ бытію, но не заполняющей своей жизни трепетомъ личныхъ переживаній, я одинъ останусь на застывшей, умершей звѣздѣ и буду носить съ нею по неизмѣримо-огромной кривой, въ теченіе неизмѣримо-огромнаго періода времени, въ которомъ тысячелѣтія колышатся чуть замѣтной рябью...

И я безчувственно буду упиваться этимъ мощнымъ ритмомъ, этимъ чудовищнымъ полетомъ, пока мы не столкнемся съ другой потухшей звѣздой и не разсыпемся серебрянной звѣздною пылью въ безбрежной пустотѣ вселенскаго пространства...

И въ тотъ же мигъ, вновь вознесенный волной великаго океана возможностей, въ которыхъ я растворенъ, я перейду къ новой жизни-нежизни...

Оболющаясь земными иллюзіями, упиваясь обманомъ людскаго безсмертія, я свѣтло-радостно и безтрепетно жду мига, когда замкнется кругъ моего земнаго бванія, и я сольюсь-растворюсь въ великомъ всеблагомъ первоисточникѣ жизни...

3. Шкундинъ.

Метель.

Въ бурю, вьюгу, тьмой кромѣшной
По оврагамъ и холмамъ
Чортъ несется въ пыли снѣжной,
Свищетъ, рыщетъ здѣсь и тамъ...

То снѣжинками, метелью
Плащъ разсыплетъ шутовской,
То стучить въ лѣсную келью
Волсатою рукой:

На свиданье вѣдму кличетъ
Для объятій, жгучихъ нѣгъ...
Въ тучу пальцемъ умно тычетъ,
Копытомъ взрываетъ снѣгъ!..

Въ бурю, вьюгу, тьмой кромѣшной,
По сугробамъ здѣсь и тамъ
За душою бѣдной, грѣшной
Чортъ несется по пятамъ...

Василій Борисовскій.

„Языкъ безъ костей“.

Въ 30 номерѣ „Журнала Журналовъ“ по поводу послѣдняго футуристическаго сборника „Лирень“ напечатана статья Арк. Бухова подъ названіемъ „Языкъ безъ костей“.

Эта статья чрезвычайно показательна для

узкой нетерпимости представителей определенных литературных и критических течений. Нетерпимость— давний грѣхъ нашей пишущей братіи, готовой въ угоду теоретическимъ предпосылкамъ и партійнымъ формуламъ обрѣзать вольныя крылья вдохновенія, ставить препѣны свободному теченію мысли и унижать художественскій даръ до писанія „иллюстрацій“ къ разнымъ пунктамъ “программы”.

Для инакомыслящихъ двери редакціи закрываются наглухо. Вспомнимъ изъ нашего недавняго прошлаго исключительный, но въ своей исключительности все же характерный фактъ, когда передъ такимъ яркимъ талантомъ, какъ А. Волинскій, едва онъ осмѣлился стать на новый путь, не оказалось мѣста на страницахъ повременныхъ изданій. Волинскій самъ сознается въ предисловіи къ „Книгѣ Великаго Гнѣва“, что ему со времени закрытія „Сѣвернаго Вѣстника“ негдѣ печатать свои произведенія.

Итакъ, къ нетерпимости намъ не привыкать статью.

Но статья Бухова, обнаруживающая слишкомъ поверхностное, чтобы не сказать больше знакомство автора съ высмѣиваемымъ имъ теченіемъ, выдѣляется своимъ тономъ убѣжденнаго самодовольнаго превосходства и презрительнаго снисхожденія къ тѣмъ безчисленнымъ искателямъ новыхъ путей, къ которымъ, по его словамъ, у него была старческая „хмурая злоба“. Г. Буховъ утверждаетъ, что

футуризмъ не принесъ ни одной мысли. Если Бухову не извѣстны идеи футуризма, то это еще не значитъ, что футуризмъ теченіе безыдейное. Чтобы не распространяться, сошлемся на „Манифесты“ Маринетти или, хотя бы, на статьи К. Чуковского.

„Послѣ смѣшныхъ тыканій носомъ въ разныя стороны они (искали новыхъ путей) возвращаются къ соскамъ матери, подлинной литературы“. Неужели г. Бухову неизвѣстно, что съ безпомощныхъ, подчасъ смѣшныхъ исканій начали и наши символисты—Брюсовъ, Бѣлый, Блокъ, чьи дерзновенныя устремленія къ новой красотѣ влили свѣжую струю въ литературу, привели къ переоцѣнкѣ цѣнностей, Да, они вернулись къ „подлинной“ литературѣ, но даже столпъ ортодоксальной критики С. А. Венгеровъ не смѣетъ назвать ихъ „побѣжденными“.

Буховъ замѣчаетъ, что искать форму слова, приему—это то же самое, что писать письма къ близкимъ по письмовнику (!) или ставить завитушки на концахъ строкъ (!). Напрасно г. Буховъ такъ презрительно относится къ „завитушкамъ“. Иногда какая-нибудь форма завитушки на орнаментѣ или картинѣ служить символомъ новыхъ теченій въ искусствѣ. Укажемъ, на примѣръ, на новую форму орнамента у Палайоло (эпоха возрожденія), которая характерна для возрождающагося идеализма.

Ограничившись такими „глубокими“ и „остроумными“ предпосылками, Буховъ вы-

дергиваетъ изъ футуристическаго сборника „Лирень“ пару отрывковъ и на основаніи ихъ сваливаетъ въ одну кучу всѣхъ представителей этого теченія, позволяя себѣ такія выраженія, какъ „безграмотная клоунада, банная прелесть этихъ нечистоплотныхъ босяковъ мысли, безудержная полулитературная грязь и творческое свинство (!)“.

Считая свою задачу блюстителя литературныхъ нравовъ еще не выполненной, Буховъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи упрекнуть Горькаго въ недалководности и ошибокѣ. Онъ призываетъ „Алексѣя Максимовича“ отказать отъ взгляда на футуризмъ, какъ на ферментъ благодатнаго броженія въ области мысли и литературы.

Онъ пугаетъ Горькаго: „Какой-нибудь развязный издатель развязныхъ и похваленныхъ вами прыщавыхъ юношей (!) издастъ альманахъ, въ которомъ въ видѣ предисловія будутъ ваши слова:

„Въ нихъ что-то есть“.

Въ своемъ обращеніи Буховъ, конечно, рассыпается въ увѣреніяхъ уваженія къ Горькому.

Г. Буховъ!

Если вы дѣйствительно уважаете Горькаго, то позвольте ему имѣть собственныя убѣжденія, не зазывайте его такъ крикливо въ свой станъ...

Въ нашей статьѣ мы являемся защитниками футуризма, но это вовсе не значитъ, что мы примыкаемъ къ футуризму въ тѣхъ его уродливыхъ проявленіяхъ, которыя онъ принялъ въ произведеніяхъ нашихъ домощеныхъ Маринетти.

Мы хотимъ только сказать, что нельзя подходить къ такому все-же значительному явленію, какъ футуризмъ, только съ парой затасканныхъ остротъ, пріобрѣтшихъ отъ долгаго употребленія видъ стертой размынной монеты.

Валеріанъ Андинъ.